

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА POLITICAL HISTORY OF THE EAST

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-1-43-58

Научная статья / Research article

Становление национальных политических элит Судана в межвоенный период

В.А. Матросов^{1,2}✉, В.В. Шалупкин¹

¹Национальный исследовательский университет высшая школа экономики,
109028, Россия, Москва, Покровский бульв., 11

²Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049, Россия, Москва, Мароновский пер., 26
✉vam_179@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена процессу становления национальных элит Судана, который предопределял закономерности развития страны на протяжении всего периода ее независимости. Рассматриваются три основных направления: религиозные элиты, армейское командование, верхушка городской интеллигенции, описываются сложные отношения между ними. Исследование делится на три раздела, второй из которых посвящен межвоенному периоду, первый – предшествовавшему этапу развития страны и историческим предпосылкам формирования политических элит, третий – этапу развития Судана на фоне Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Особое внимание уделено развитию суфийских тарикатов – не только религиозных, но и политических институтов, функции социальной мобилизации в которых развились в первой половине XX столетия до такой степени, что именно тарикаты превратились в основной национальный источник и носитель власти. Именно в контексте их влияния рассматривается становление военных и гражданских организаций – движений, партий, ассоциаций, представителями которых в 1950-х гг. был укомплектован правящий аппарат страны. Ставя цель выявить суданскую специфику процесса формирования элит, данное исследование позволяет проследить, каким образом в ходе борьбы традиционных и модернизированных сил консервативные религиозные элиты, претерпев некоторую трансформацию, смогли сохранить за собой ведущее положение в Судане. Поясняется как внутренний характер этих элит, а также природа их отношений с военной верхушкой и интеллигенцией предопределили последующие события в истории страны.

Ключевые слова: Судан, национальные элиты, суфийские ордена, национальные движения

Финансирование. Благодарности. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

© Матросов В.А., Шалупкин В.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию: 11.08.2021. Принята к публикации: 20.10.2021.

Для цитирования: *Матросов В.А., Шалупкин В.В.* Становление национальных политических элит Судана в межвоенный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 1. С. 43–58. DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-1-43-58

Formation of the national political elites in Sudan in the Interbellum

Valeriy A. Matrosov^{1,2}✉, Vadim V. Shalupkin¹

¹National Research University “Higher School of Economics”,
11 Pokrovskiy boul., Moscow, 109028, Russia

²Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities,
26 Maronovskiy Lane, Moscow, 119049, Russia
✉vam_179@mail.ru

Abstract. This work aims to study the formation of national elites in Sudan in the interbellum as this very period predetermined the country’s history since gaining independence in 1956. Within this article relations between three main groups are considered, namely religious, military and civil elites. The study is divided into three main parts. The first one concentrates on the history of Sudan before 1918, the second one is devoted to the interwar period, the third part aims to study the development of Sudan in World War II and the first post-war years. The special emphasis is given to the Sufi Tariqas as being not only religious but firstly political institutions. Directly within the context of Tariqas’ political and social influence, this article aims to study the formation of movements, political parties and associations, whose representatives later entered the political authority of the country. The Sudanese specifics of the national elites’ formation studied in this work is that the conservative religious elites managed to maintain the leading position within the struggle between traditional and modern political powers. The work explains how the inner nature of these elites, as well as their relations with the military and civil elites, predetermined the subsequent events.

Keywords: Sudan, national elites, Sufi orders, national movements

Financing. Acknowledgement. The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Article history: Received: 11.08.2021. Accepted: 20.10.2021.

For citation: Matrosov VA., Shalupkin VV. Formation of the national political elites in Sudan in the Interbellum. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(1):43–58. DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-1-43-58

Введение

Судан обрел независимость совсем недавно – в 1956 г., однако за немногим более полувека своего существования уже пережил череду бурных событий. В результате забастовок и переворотов, заговоров и соглашений к власти в стране приходили и генералы, и суфийские шейхи, но при этом основной

движущей силой оказывались секулярный национализм, коммунизм, консервативный ислам. Характер и состав правящей верхушки, основные тренды политики страны могли неоднократно и кардинально измениться за время правления одного лишь лидера.

При этом примечательно, что Судан никогда не доходил до состояния *failed state*: несмотря на перипетии развития и бесконечные раздоры, государственность здесь не прерывалась. В связи с этим возникает логичный вопрос: за счет чего государству удавалось поддерживать существование? Ответ на этот вопрос следует искать в природе правящих элит, которые, несмотря на разнородность и расколы, в кризисные моменты всегда умели достигать определенного уровня консенсуса.

Предпосылки любого современного явления кроются в глубинах истории. Данная статья посвящена политическому развитию страны в первой половине XX в. – периоду, в ходе которого формировались не только сами группы элит, но и совокупность отношений, связавшая их в единую систему. Цель исследования – прояснить специфику внутреннего развития Судана, предопределившую всю дальнейшую историю государства. Для этого необходимо ответить на три вопроса: каковы были предпосылки зарождения политической системы страны в том виде, в котором она увидела свет в 1956 г.? Как взаимодействовали группы элит между собой и властями Лондона и Каира, под кондоминиумом которых Судан оставался на протяжении более полувека? Как это повлияло на становление первых властных органов после Второй мировой войны, когда страна готовилась к независимости? Эти три вопроса определяют структуру данной статьи, условно состоящей из трех разделов.

Безусловно, история Судана многократно изучалась и описывалась, в том числе отечественными исследователями. Между тем представляется, что в вопросе формирования политических элит отечественная литература в недостаточном объеме уделяет внимание традиционным суфийским структурам, отдавая не только авторские симпатии, но и соответствующий уровень значимости «светским» вождям – националистам, представителям военного командования. То, что большинство из них или напрямую принадлежали к суфийским тарикатам или зависели от них, участвуя в руководимых суфиями политических партиях, зачастую почти игнорируется.

В западной литературе, в свою очередь, традиционные структуры находятся в фокусе исследований, однако степень их вовлеченности в тесные отношения с интеллигенцией и армией остается в тени, и две группы политических сил, традиционные и «модернизированные», как бы оказываются разведены в стороны, хотя по факту представляют и представляли собой неделимую систему. В рамках данной статьи будет сделана попытка избежать подобных недочетов.

Судан в кон. XIX – нач. XX вв. Зарождение национальных элит

В 1820–1821 гг. египетский паша Мухаммад ‘Али вторгся на территорию нынешнего Судана, подчинив себе земли Сеннарского султаната – племенной конфедерации, пребывавшей в глубоком кризисе. Размах захваченных территорий и многообразие населявших их народностей не позволили Мухаммаду

‘Али и новой османо-египетской верхушке опираться на местные племенные элиты. Требовались новые механизмы управления, которые бы сочетали силовой контроль для обеспечения порядка на покоренных территориях, а также надплеменной социальный механизм, который бы выступал посредником между новыми властями и населением страны.

Так сформировались два аппарата управления: военно-бюрократическая машина городов, призванная через систему гарнизонов держать под контролем земли Судана, и сети суфийских братств-тарикатов [1. С. 135]. Большинство суфийских кланов, за счет скромного образа жизни, миссионерской деятельности и харизмы их глав-*сеййидов*, благосклонно воспринимались населением. При этом они пользовались поддержкой Османской империи и Египта, взамен становясь проводниками их политики в Судане. На протяжении полувека после египетского завоевания именно тарикаты выступали в роли первых «протоэлит» в стране [2. С. 664–665].

Конец XIX столетия охарактеризовался двумя важными вехами. Во-первых, вестернизация Египта после попадания в финансовую кабалу вызвала проникновение в долину Нила британских военных контингентов, политических и финансовых советников, вытеснение из региона османских чиновников [3. С. 201–202]. Во-вторых, реакция на этот процесс вылилась в широкое религиозное движение махдистов, приведшее к созданию независимого государства [4. С. 6–17].

Первый фактор привел к формированию первых суданских армейских подразделений: один из батальонов, созданных в 1884 г., оказался полностью укомплектован местными жителями [5. С. 138, 316]. Офицерские должности получили преданные британскому командованию египтяне. Вскоре по образцу первого подразделения были созданы еще пять, причем основная масса новобранцев происходила из среды беженцев, покинувших Судан в результате восстания Махди [5. С. 138].

Религиозный деятель Мухаммад Ахмад, провозгласивший себя *махди* – мессией, чьей целью стояло восстановление на земле справедливости под сенью исламского правления, построил государство практически с нуля. От глав суфийских тарикатов он потребовал отказаться от *бараки* – особого благословения Аллаха, или святости, легитимирующей их существование. Были созданы новые инструменты управления страной, в Махдистском государстве установилась сложная система политических элит, с одной стороны, отвечающая религиозным установкам, а с другой – включившая многих представителей традиционной племенной верхушки [2. С. 668–670].

Среди крупных тарикатов лишь один – Хатмийя – пережил этот период безболезненно. Стоявший во главе Хатмийи клан ал-Миргани предпочел не отказываться от своей *бараки* в пользу Махди, а перебраться в Египет. Вражда между ал-Миргани, оставшимися своеобразным пережитком тех времен, когда суфии служили «проводниками» и просветителями, и потомками Махди – по сей день один из основных факторов динамики внутренней политики Судана.

Разгром махдистов в сентябре 1898 г. ознаменовал установление англо-египетского контроля (1899–1956 гг.) над всей территорией Судана, которое

закреплялось в форме кондоминиума – совместного управления территориями. В соответствии с заключенным между Лондоном и Каиром соглашением генерал-губернатором Судана назначался англичанин, а утверждал кандидатуру египетский хедив [6. С. 89–90]. Власть новой верхушки опиралась на три «столпа».

Во-первых, отработанная англичанами методика косвенного управления и привлечения на свою сторону элит позволила им задействовать тех же племенных вождей и правителей небольших территорий, на которых когда-то опирались махдисты [6. С. 102–103]. Заручаясь поддержкой британцев, сулившей и экономические выгоды, и гарантии безопасности, а также автономию их племен, вожди легко шли на соглашения с новым руководством Судана.

Во-вторых, важной опорой режима кондоминиума стали суфийские тарикаты во главе с вернувшейся на территорию страны Хатмией. Британцы умели пользоваться мирной ориентацией тариката на распространение знаний и развитие духовной подготовки [7. С. 55]: снабжая Хатмию землей и деньгами, строя мечети и медресе, они способствовали росту авторитета суфийского ордена, одновременно демонстрируя готовность поддерживать распространение ислама. Взамен лидеры тариката должны были воздержаться от любой критики руководства кондоминиума, призывали население к лояльности властям [8. С. 135–136].

Эффективность Хатмии как надплеменной структуры не должна была превратить главу тариката, ‘Али ал-Миргани, в фактического лидера Судана. Чтобы препятствовать чрезмерному усилению братства, англичане помогали и другим тарикатам – появившимся на рубеже XIX–XX вв. Хиндийе и Ансарийе [9. С. 31–32].

Ансарийя была основана сыном Махди, ‘Абд ар-Рахманом, который на момент смерти отца был еще совсем ребенком. В 1905 г. британцы разрешили женам и детям Махди вернуться в Судан и поселиться на Ниле, на острове Аба, где их отец имел личные земельные угодья [1. С. 141]. Там ‘Абд ар-Рахман ал-Махди (начиная с него «ал-Махди» использовалось в качестве кланового имени) основал тарикат, нивелировав прежние махдистские методы борьбы и превратив Ансарийю (*ансарами*, от ар. «сподвижники, помощники»), называл, следом за пророком Мухаммадом, своих сторонников Мухаммад Ахмад) в мирное братство. Чтобы утвердиться в Судане и заручиться доверием британских властей, ал-Махди участвовал в подавлении новых пророческих движений, которые до самого конца 1920-х гг. возникали в разных уголках страны [10. С. 122].

Третьим столпом, на который опиралось руководство кондоминиума, стала армия. Англо-египетские войска насчитывали в 1898 г. порядка 25 600 человек, при этом треть этих сил составляли шесть батальонов, сформированных из местных жителей [5. С. 138–139]. После того, как силы ‘Абдаллы ат-Та’иши были разбиты, а безопасность нового режима обеспечена, те подразделения армии, которые комплектовались из египтян, были, по большей части,

выведены из страны, в результате чего в войсках наблюдался перевес непосредственно суданцев [11. С. 16–17].

Попытки британцев приостановить рост национально-освободительного движения привели в том числе к изменению подхода к военной подготовке. Если на рубеже XIX–XX вв. суданцев направляли на обучение в военные академии Каира, то по мере того, как национально-освободительное движение в нижнем течении Нила приняло угрожающие масштабы, в Хартуме в 1905 г. было основано собственное военное училище. В этом училище, как предполагалось, подготовка суданских офицеров происходила в полной изоляции от египетских идеологических волнений. Период обучения составлял три года; изредка привлекали и младший командный состав из армии, для которого проводилось ускоренное двухлетнее обучение.

Постепенно акцент с поддержания усиленного военного контроля сместился на расширение бюрократического аппарата. Великобритания сделала ставку на внедрение в Судане программ образования, которые бы готовили к государственной службе детей местных горожан [6. С. 100]. Рост спроса на западное образование означал подрыв авторитета в данной сфере тарикатов, однако и в этих условиях *сеййиды* лидирующих братств сумели трансформировать свою политику, приспособившись к новым условиям.

По просьбе глав тарикатов в 1912 г. в Омдурмане был основан Научный Институт (современный Исламский университет Омдурмана), в котором совмещались принципы религиозного образования, принятые в то время в каирском Ал-Азхаре, с некоторыми светскими траекториями [9. С. 51]. Это имело два последствия – во-первых, традиционные элиты шли нога в ногу с военными и интеллигенцией, во-вторых, развитие контактов с Ал-Азхаром принесло в Судан идеи исламского обновления [1. С. 138].

Таким образом, к началу межвоенного периода наметились тенденции к появлению новых типов элит – собственного офицерского класса, крупной прослойки городской интеллигенции. При этом традиционные силы во главе с *сеййидами* не уступали свои позиции, что во многом предопределило ход событий в последующие десятилетия.

Судан в межвоенный период 1918–1943 гг. Становление национального движения и формирование политических блоков

Несмотря на все старания англичан, стремившихся предотвратить распространение националистических настроений, межвоенный период ознаменовался всплеском деятельности культурных кружков, клубов, подпольных газет и организаций. Всего за четверть века, в период 1918–1943 гг., политическое поле Судана, прежде почти всецело занятое властями кондоминиума и традиционными элитами – шейхами тарикатов и вождями племен – обогатилось плеядой новых движений, продвигавших новые типы национальной идеи. Источником этого разнообразия и богатства, как было показано выше, служила армия, основным носителем – зарождающаяся городская интеллигенция. Еще

одной немаловажной силой стали непосредственно египтяне, чье присутствие в рядах армии постепенно сокращалось, но еще не сошло на нет.

Когда в 1919 г. национально-освободительное движение в Египте перешло в активную фазу, его идеи активно распространились среди многочисленных выходцев из Судана в офицерском корпусе египетской армии, а египетские офицеры в Хартуме в свою очередь приняли декларацию с требованиями о предоставлении Египту независимости [6. С. 103].

Однако влияние египетского националистического движения в Судане было ограничено трудностями в продвижении концепции среди новых социальных групп в Судане, называемых британцами «*Negroid but detribalised*» – бывших рабов и их потомков, которые обратились в ислам и получали образование на севере страны, но которые почти не имели представления о ее культурном наследии [8. С. 180].

В том же 1919 г. была основана первая национальная газета Судана «Хадарат ас-Судан» (ар. «Суданская культура»), создание которой финансировал ‘Абд ар-Рахман ал-Махди, а главным редактором был назначен его племянник Хусейн Шариф [12]. В 1920 г. лидеры трех тарикатов – Ансарийи, Хатмийи и Хиндийи (основана в нач. XX в., к концу 1910-х гг. уже входила в тройку «передовых» братств, но держалась поодаль от первых двух [13. С. 201]) – установили над газетой совместное руководство, превратив ее в политический инструмент традиционных элит страны [9. С. 60]. Впрочем, в силу того что вскоре газета оказалась под влиянием британского руководства, она сыграла минимальную роль в нарастающем национальном движении [7. С. 66].

Собственное национально-освободительное движение зародилось в начале 1920-х гг., когда важную роль в общественно-политической жизни начали играть представители новой элиты – выходцев из средних слоев.

Ярким примером формирования нового типа коллективного сознания стал созданный в 1918 г. в Омдурмане Клуб выпускников, изначально предполагавшийся как свободная от политики ассоциация, члены которой разделяли единые культурные и социальные ценности. Представляя нарождающуюся интеллигенцию, он начал борьбу с религиозными лидерами за влияние на умы суданцев, хотя и не могли не игнорировать то воздействие, которое *сеййиды* тарикатов оказывали на членов правительства.

К 1920 г. в Судане национальные движения в Судане складывались вокруг двух основных сил: традиционалистов и новых элит, представленных образованной интеллигенцией [14]. Традиционалисты, во главе которых выступали *сеййиды*, призывали британское правительство остаться в Судане, чтобы подготовить суданцев к установлению независимости.

Попытки Великобритании сформировать собственно суданский национализм и отделить такое движение от египетского национализма имели большой успех среди шейхов племен, лидеров тарикатов и сторонников Махди. Для этих групп британцы действительно были колонизаторами и немусульманами, но их родина была далеко, и однажды они неизбежно должны были уйти; казалось, что выселить египтян будет намного сложнее [8. С. 206].

Чтобы поддержать эту точку зрения и ясно объяснить ее образованным людям Судана, Хусейн Шариф, главный редактор «*Хадарат ас-Судан*» в августе – сентябре 1920 г., написал четыре статьи, озаглавив их в совокупности «Суданский вопрос» [9. С. 61]. В ответ интеллигенция выпустила подпольные листовки, ставшие в совокупности первым политическим манифестом [14].

К началу 1920-х гг. английская резидентура в Хартуме зафиксировала появление подпольных организаций, ориентированных на Египет. Всего за период 1920–1924 гг. было создано одиннадцать подобных политических организаций, наиболее важными из которых стали «Лига союза» и «Лига белого знамени» [9. С. 61–62].

«Лига союза» была основана в Омдурмане группой студентов и выпускников [5. С. 163] и вскоре начала пропагандистскую деятельность, распространяя листовки против британской администрации и ее помощников из числа суданцев [14]. Организация также осторожно поощряла и тайно могла наладить прочные связи с Египтом.

«Лига белого знамени» – вторая организация, имевшая серьезное политическое влияние, была создана в конце 1923 г. под руководством ‘Али ‘Абд ал-Латыфа. Она объединила порядка ста молодых людей, в основном в возрасте 17–25 лет [5. С. 166], выступавших за активизацию публичной деятельности против правительства и призывавших к единству долины Нила под египетской короной. В качестве эмблемы «Лига белого знамени» взяла белое полотнище – символ мира – с изображением карты долины Нила, полумесяцем и тремя звездами.

Сеййид ‘Абд ар-Рахман ал-Махди дважды, хоть и безуспешно, выступил с инициативой против «Лиги белого знамени» в июне 1924 г. Любопытно, что *сеййид* ‘Али ал-Миргани не принимал участие в этой антиегипетской деятельности. Очевидцы отмечают, что *сеййид* ‘Абд ар-Рахман выступал за поддержку правительства, тогда как *сеййид* ‘Али предпочитал держаться в стороне, наблюдая за ходом событий [14].

Несмотря на сохранявшееся влияние религиозных лидеров и их гегемонию на политической арене, образованная элита также начинала набирать вес. Таким образом, к 1924 г. сложились три политические группировки: традиционная пробританская группа, умеренные силы, которые поддерживали Великобританию, но хотели постепенного движения к самоуправлению и окончательной независимости, и «экстремистская» группа, враждебная Великобритании и лояльная Египту.

В 1924 г. провалились (из-за разногласий по Судану) переговоры премьер-министра Египта Са’да Заглуля и премьер-министра Великобритании Джея Рамси Макдональда [9. С. 78]. Это подтолкнуло «Лигу белого знамени» к активным действиям против правительства, а то предприняло шаги по пресечению деятельности Лиги, арестовав и посадив в тюрьму ее лидера.

После убийства сэра Ли Стэка, генерал-губернатора Судана и сердара египетской армии, 1 января 1925 г. египетская армия была выведена из Судана. Руководство Лиги осознало, что шансов на успех мало, если не получить поддержки религиозных лидеров. Впрочем, *сеййид* ‘Али и *сеййид* Шариф

Йусуф ал-Хинди, к которым обратились за помощью националисты, оказались не готовы поддержать организацию, пока продолжались переговоры между Египтом и Великобританией [14]. Неспособность Лиги заручиться поддержкой кого-либо из этих троих привела к тому, что в конце 1925 г. она прекратила свое существование [6. С. 106]. Вскоре было закрыто и Хартумское военное училище, выпускники которого составляли важную часть офицерского корпуса [11. С. 38–39].

17 января 1925 г. были официально созданы Силы обороны Судана, однако финансовые ограничения привели к тому, что новые вооруженные силы на начальном этапе были меньше по численности и вооружены не так основательно, как подразделения египетской армии в Судане [5. С. 140–141]. Предусматривалось сокращение общей численности солдат, сержантов и офицеров. Согласно принятому плану численность британских офицеров должна была уменьшиться к 1927 г. на 15%, суданских офицеров – на 45%, суданских солдат – на 39% [5. С. 142].

Сумев прекратить рост офицерского корпуса, правительство вернулось к подавлению элементов бунта в среде образованной городской верхушки. Британцы преследовали и сажали в тюрьмы интеллигенцию, было сокращено количество учащихся, ежегодно поступающих в Колледж им. Гордона. Кроме того, чтение египетских газет было запрещено и считалось уголовно наказуемым преступлением. Что касается чиновников, работающих на государственных должностях, им запрещалось писать для газет без предварительного разрешения правительства [14].

Политика ограничений, которую правительство кондоминиума проводило в отношении суданской интеллигенции после событий 1924 г., неизбежно сдерживала возможность любой политической деятельности Клуба выпускников, и его члены заняли умеренную позицию и ограничивались активностью, которая не считалась провокационной. Были сформированы литературные клубы, в которых небольшие мини-группы читали и обсуждали книги, газетные статьи.

Образованные молодые люди, составлявшие костяк национального движения, ушли в подполье, основали тайные кружки, однако их деятельность отличалась непродуктивностью хотя бы потому, что коммуникация между интеллигенцией и населением оставалась практически на нуле [6. С. 107]. Для дальнейшего развития представителям Клуба выпускников пришлось обратиться за патронажем к двум самым влиятельным суданцам – ‘Али ал-Миргани и ‘Абд ар-Рахману ал-Махди [1. С. 140].

В результате уже в 1932–1933 гг. внутренние выборы в рамках Клуба выпускников проходили в атмосфере конфессионального соперничества; две основные группировки, претендовавшие на важные посты, опирались на поддержку ал-Миргани и ал-Махди соответственно [1. С. 143]. Это не могло пройти незамеченным мимо британской администрации, перед которой встала новая задача: по возможности оградить молодую интеллигенцию от влияния могущественных *сеййидов*. Одним из способов достижения этой цели рассматривалось восстановление позиций националистов, в противовес попыткам тарикатов поставить страну под контроль.

Англо-египетский договор от 1936 г., помимо прочего восстановивший действие соглашения 1899 г. о кондоминиуме над Суданом, предусматривал, что Египту вновь разрешалось размещать войска в Судане; был разрешен неограниченный въезд египтян в Судан. Кроме этого, отмечалось, что «подходящие кандидаты британского или египетского гражданства» будут назначаться на официальные должности, если для этих постов не находилось квалифицированных суданцев [15].

В результате среди суданской интеллигенции нарастало разочарование как в Британии, так и в Египте; ей требовалась организация, которая могла бы настаивать на участии Судана в любых будущих переговорах [5. С. 185].

Такой организацией стал Суданский конгресс, прототип будущего парламента страны. Интеллигенты рассматривали его как площадку для вывода «вовне» национальной суданской идеи, *сеййиды* – в качестве нового образования, в рамках которого они могли бы продвигать интересы и попутно решать межклановые проблемы, британцы – как структуру, которая, вобрав традиционные и прогрессивные силы, выявила бы противоречия между ними. В конце концов в 1938 г. Суданский конгресс был созван именно под крылом британцев (хотя и не в Хартуме, а в консервативном Омдурмане, при участии сына ал-Махди, ас-Сиддика, и племянника ал-Миргани, Мухаммада ‘Усмана [7. С. 68]).

Главой Конгресса был избран Исма’ил ал-Азхари, чей прадед был основателем суфийского тариката Исма’илийя, а дед – верховным кади Судана [1. С. 141–142]. Британское руководство также создало при правительстве Консультативный совет из глав тарикатов, шейхов племен и крупных землевладельцев – противовес активным молодым деятелям из Суданского конгресса, которые требовали независимости для страны и вели антибританскую деятельность [1. С. 142].

Англичане пытались достичь компромисса и с такими политическими силами, причем оказалось, что в деле установления контактов с националистами они прибегли к тем же методам, что и *сеййид* ‘Абд ар-Рахман ал-Махди. Это, в свою очередь, привело к негласному союзу между Британией и Ансарийей, верхушка которой заняла сложную компромиссную позицию. С одной стороны, махдисты требовали полной независимости Судана. С другой стороны, эта независимость должна была быть достигнута путем кооперации усилий с Лондоном, а не, например, с Каиром, что позволяло *сеййиду* ал-Махди не бояться конкуренции с Египтом в деле распространения влияния, а британскому руководству – сохранить за собой инициативу в управлении подготовкой к независимости [6. С. 118]. Неудивительно, что это повлекло жесткую реакцию как со стороны многих националистов во главе с Исма’илом ал-Азхари, так и со стороны *сеййида* ‘Али ал-Миргани, который не мог допустить рост влияния Ансарийи [1. С. 143].

Итак, процесс образования политических институтов в конце межвоенного периода привел к созданию Суданского конгресса и Консультативного совета, деятельность которых по факту оказалась заморожена новым витком противостояния между двумя крупными блоками. Подобный кризис привел

к распаду блоков, и Судан вступил в эпоху политических партий, первой из которых стала созданная в 1943 г. Исма'илом ал-Азхари «Ал-Ашикка'» («братья»), костяк которой составили ближайшие сторонники националистической линии самого ал-Азхари – молодые либералы.

Судан перед 1956 г. Истоки бесконечной борьбы за власть

Появление партии «Ал-Ашикка'» ознаменовало новый этап в политическом развитии страны, обозначив его новые институциональные рамки, а заодно – завершило эпоху подъема «молодого» национализма. Инициатива «прогрессивных» активистов в партийном строительстве была практически сразу утеряна: всего за два-три года возник целый ряд новых сил, среди которых наиболее значимыми оказались Юнионистский фронт и партия «Ал-Умма», которые возглавляли, соответственно, *сеййид* 'Али ал-Миргани и *сеййид* 'Абд ар-Рахман ал-Махди. Во главе политического процесса в Судане вновь оказались неутомимые главы тарикатов [6. С. 118–119].

Политика Хатмийи в этот период по-прежнему диктовалась межклановыми трениями, причем в рамках негласного союза между ал-Миргани и ал-Азхари первый обеспечивал взаимодействие между суданской молодежью и египетскими националистами [1. С. 143], требуя если не немедленного объединения Египта и Судана, то, по крайней мере, укрепления взаимосвязей между ними. Именно эта идея и легла в основу Юнионистского фронта (под союзом – с английского *union* – подразумевался союз Египта и Судана), в котором «Ал-Ашикка'» практически растворилась, став одной из многочисленных партий под крылом *сеййида* 'Али [6. С. 119].

Деятельность Ансарийи, в свою очередь, была направлена против сближения с Египтом; уверенность в том, что кооперация с Британией быстрее приведет страну к полной независимости подталкивала *сеййида* 'Абд ар-Рахмана ал-Махди к Лондону, и партия «Ал-Умма» во многом выражала пробританские интересы. Председателем партии стал сын 'Абд ар-Рахмана, ас-Сиддик ал-Махди, генеральным секретарем – 'Абдалла Халил, прочно связанный с кланом ал-Махди [9. С. 115].

Становление двух этих сил требовало от *сеййидов* интенсификации процессов мобилизации населения. Лозунг «Судан для суданцев», продвигаемый Ансарийей, нашел поддержку, в первую очередь, среди арабов Кордофана и Дарфура, бедуинов-скотоводов и крестьян [6. С. 118–119]. Юнионисты опирались не столько на традиционные для суфийских тарикатов слои населения, сколько на армейскую верхушку и молодое профсоюзное движение [7. С. 71].

Впрочем, несмотря на первое воодушевление, вскоре межклановые трения стали давать и обратный эффект. Противоборствующие блоки стали больше времени и сил тратить на борьбу друг с другом, чем на продвижение реального политического процесса; с обеих сторон сыпались обвинения и упреки, которые едва ли можно было воспринимать серьезно, но которые существенно мешали выработке консенсуса. Политическая риторика обоих блоков порой доходила до абсурда: так, *сеййид* ал-Миргани обвинял *сеййида*

ал-Махди в том, что тот стремится превратить Судан в королевство под собственным руководством [7. С. 70].

Только в середине 1946 г., когда Суданский вопрос уже давно стоял на повестке дня в англо-египетских переговорах, удалось сформировать первую единую делегацию от всего Суданского конгресса [1. С. 143]. Годом позднее, когда соответствующие переговоры проводились уже на уровне ООН, от Судана на них прибыли две отдельные делегации.

Краткая передышка в 1946 г. была связана с новой активизацией тариката Хиндийя: *сеййид* ‘Абд ар-Рахман Шариф Йусуф ал-Хинди создал «Национальную партию», к участию в которой пригласил и ал-Миргани, и ал-Махди. Надежды достичь компромисса на фоне обсуждения судьбы страны внешними игроками быстро сменились разочарованием, и уже к концу года *сеййиды* разошлись по своим прежним позициям, партия ‘Абд ар-Рахмана ал-Хинди распалась, а ее остатки присоединились к юнионистам [13. С. 201].

Большие ожидания среди сторонников ал-Азхари и ал-Миргани вызвал приход к власти в 1952 г. в Каире «Свободных офицеров». Настроенные на реализацию идей панарабизма, а в первую очередь – объединения долины Нила, эти националистические силы должны были ускорить процесс становления Судана как независимого государства. Однако первый глава нового Египта, генерал Мухаммад Нагиб, понимая, что британцы будут препятствовать усилению давления со стороны юнионистов, неожиданно потребовал от Лондона согласиться с требованиями партии «Ал-Умма» [1. С. 143–144], тем самым внеся сумятицу в ряды юнионистов.

Британское руководство, впрочем, правильно интерпретировало такой маневр и накануне очередных выборов в Суданский конгресс в 1953 г. сделало ставку не на «Ал-Умму», а на ал-Азхари и ал-Миргани, что, в свою очередь, вызвало непонимание в среде махдистов. Воспользовавшись их замешательством, силы проегипетского блока объединились в Национальную Юнионистскую Партию (НЮП), разработали программу скорейшего обретения страной независимости и одержали на выборах верх [1. С. 143].

Подобные политические метания привели к тому, что проегипетский блок стал проводить едва ли направленную на сближение с Египтом политику, хотя в марте 1954 г. Мухаммад Нагиб и стал почетным гостем на открытии первой сессии настоящего суданского парламента [7. С. 72], а пробританские силы разочаровались в опоре на Лондон. По сути, следующие два года, предшествовавшие получению страной независимости, ознаменовались двумя основными тенденциями. С одной стороны, растворялась прежняя идентичность, связанная с опорой на внешние силы, и традиционные лидеры вели Судан к независимости, продолжая при этом бороться между собой. С другой стороны, общей задачей традиционных сил стало недопущение активизации молодых националистов [1. С. 147].

Собственно, 1953–1956 гг. прошли в атмосфере закулисной борьбы двух *сеййидов* за власть в стране, причем по мере того, как ал-Азхари наращивал националистическую риторику, пытаясь выйти за пределы политических сфер влияния тарикатов, интересы ал-Миргани и ал-Махди совпадали все

в большей степени, а в рамках НЮП непосредственно верхушка Хатмийи стала представлять собой отдельный блок [7. С. 73], который, в конце концов, выделился из партии, основав свою собственную – Народно-Демократическую партию (НДП), и оставив руководство НЮП «малым» тарикатам (Хиндийя, Исма'илийя). После провозглашения независимости 1 января 1956 г. ал-Азхари удалось продержаться на посту первого главы страны лишь несколько месяцев: суфийские кланы, настояв на формировании правительства национального единства, где были представлены и Хатмийя, и Ансарийя, уже к июлю укомплектовали парламент и правительство своими сторонниками, и в ходе голосования Исма'ил ал-Азхари был отстранен от поста и от власти [1. С. 148]. Вскоре сеййиды научились пользоваться в своих интересах офицерской верхушкой, поддерживая то одного, то другого лидера, и общая логика развития внутренней политической ситуации в стране была определена на годы и десятилетия вперед.

Заключение

Несмотря на то, что история Судана первой половины XX в. прошла под знаком англо-египетского кондоминиума, руководство которого стремилось к установлению полного контроля над этими землями, неоспоримо, что на его территории происходило становление и развитие национальных политических элит. В рамках данного исследования были выделены три характерные группы:

- сформировавшиеся еще в XIX в. и окончательно утвердившиеся в роли политических и духовных авторитетов «традиционные силы» – суфийские тарикаты Хатмийя и Ансарийя под управлением кланов ал-Миргани и ал-Махди соответственно;
- представители городской интеллигенции, которая сформировалась в качестве отдельной прослойки лишь к началу межвоенного периода, однако уже к его концу заняла прочное место на политическом олимпе страны;
- выделившиеся в самостоятельную силу, хотя пока еще не совсем сознательную в политическом плане, выходцы из среды офицерства; в принципе, могут быть широко обозначены как «военные».

Кейс Судана примечателен тем, что, с одной стороны, эти три группы оказались тесно переплетены между собой, между ними устанавливаются родственные и дружеские связи и зависимые контакты, не позволявшие им размежеваться и превратиться в полярные политические силы, какими, например, были прогрессивные и консервативные элиты в соседнем Египте; с другой стороны, такая близость отнюдь не способствовала единству будущего истеблишмента страны и достижению консенсуса. Вражда между кланами ал-Миргани и ал-Махди, уходящая корнями к началу 1880-х гг., порой доходила до абсурда и, кажется, превратилась в хобби лидеров кланов, прекращаясь лишь на краткие промежутки времени для отпора общему врагу. Следом за тарикатами Хатмийя и Ансарийя на два лагеря автоматически

подразделялось и большинство прочих ведущих сил Судана, что сделало межклановую неприязнь основной тенденцией трансформации политического поля.

Особенно этому способствовало то, что другие две элитарные группы появились позже и не имели ни такой социальной базы, как *сеййиды* и их тарикаты, ни такой поддержки со стороны руководства кондоминиума. В результате молодая городская интеллигенция оказалась не в состоянии конкурировать с *сеййидами* на равных, не пользовалась подобным влиянием на умы последователей, а потому была вынуждена или уходить в подполье, или прибегать к патронажу Хатмийи и Ансарийи, причем о взаимовыгодном или хотя бы в какой-то степени равноправном сотрудничестве речь не шла. Военные же, постепенно выделяясь в качестве носителей новых идей панарабизма, может, и мнили себя важной политической силой, рассчитывая на помощь Египта и полагая, что будущее – за ними, однако по факту они оказывались марионетками в борьбе за власть между тарикатами и националистами, а также между Ансарийей и Хатмийей как таковыми.

Наконец, не стоит забывать и о внешнем факторе, а именно, о том, что Судан стал полем противостояния Великобритании и Египта. После объявления независимости последнего в 1922 г. встал вопрос о будущем статусе кондоминиума и Судана. В контексте этой борьбы местные элиты Судана также делились на два лагеря: одни видели в Великобритании сильного, но временного игрока в регионе, с помощью которого можно провозгласить независимость, другие вняли лозунгам националистов Египта, заняв позицию сторонников единства долины Нила.

Таким образом, в межвоенный период (1918–1943 гг.) в Судане произошло формирование элит, были заявлены их интересы и стремления, заложены первые камни преткновения, которые будут оказывать влияния на внутривнутриполитическую стабильность страны вплоть до сегодняшнего дня. Последующие перевороты, резкие смены политического курса, репрессии, закулисные игры во многом служат продолжением того самого сложного процесса одновременного слияния и размежевания элит, начало которому было положено сто лет назад.

Библиографический список

1. *Musso G.* The making of fragmented nation: Sufi turuq and Sudan`s decolonisation // *Oriente Moderno*. 2017. N. 97. P. 133–153.
2. *Warburg G.* From sufism to fundamentalism: the Mahdiyya and the Wahhabiyya // *Middle Eastern Studies*. 2009. Vol. 45. N. 4. P. 661–672.
3. *Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. 372 с.
4. *Смирнов С.Р.* Восстание махдистов в Судане. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 102 с.
5. *Niblock T.* Class and Power in Sudan. The Dynamics of Sudanese Politics, 1898–1985. London: The Macmillan Press Ltd., 1987. 370 p.
6. История Судана в новое и новейшее время. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1992. 293 с. и карты.

7. 'Усман, Тарик. Тарих ал-Хатмийа фи-с-Судан (История Хатмийи в Судане). Хар-тум. Маншурат Дар Сакина ва-л-Ма'мун, 1999. 108 с.
8. Powell E. T. A Different Shade of Colonialism: Egypt, Great Britain, and the Mastery of the Sudan. University of California Press, 2003. 271 p.
9. Поляков К.И. История Судана. XX век. М.: ИВ РАН, 2005. 510 с.
10. Voll J. O. Wahhabism and Mahdism: alternative styles of Islamic renewals // *Arab Studies Quarterly*. 1982. Vol. 4. N. 1–2. P. 110–126.
11. Ал-Факи, 'Абдалла. Тарих куват дифа' ас-Судан (История сил обороны Судана). Хартум: Ад-Дар ас-Суданийа, 1971. 152 с.
12. Ибрахим, 'Абд ар-Рахман. Хусайн Шариф: Ша'б била-джарида ка-калб била-ли-сан (Хусейн Шариф: Народ без газеты подобен сердцу без языка) // *Sudanile.com*. URL: <http://www.sudanile.com/107202> (дата обращения: 14.10.2021).
13. Kramer R., Lobban R. *Historical Dictionary of the Sudan*. Scarecrow Press, 2013. 620 p.
14. Ад-Дури, Захир. Ат-таджамму'ат ал-ватанийа фи-с-Судан // *Sudanile.com*. URL: <http://www.sudanile.com/94975> (дата обращения: 14.10.2021).
15. Anglo-Egyptian Treaty of Alliance. 1936. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/de/Anglo-Egyptian_Treaty_of_1936.pdf (дата обращения: 12.10.2021).

References

1. Musso G. The making of fragmented nation: Sufi turuq and Sudan's decolonisation, *Oriente Moderno*. 2017;(97):133–153.
2. Warburg G. From sufism to fundamentalism: the Mahdiyya and the Wahhabiyya, *Middle Eastern Studies*. 2009;4(45):661–672.
3. Lutskiy VB. *Novaya istoriya arabskih stran* [New history of the Arabic countries]. Moscow: Publ. Nauka; 1966. (In Russ.).
4. Smirnov SR. *Mahdistskoye vosstaniye v Sudane* [The Mahdist rebellion in Sudan]. Moscow, Leningrad: Publ. Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR; 1950. (In Russ.).
5. Niblock T. *Class and Power in Sudan. The Dynamics of Sudanese Politics, 1898–1985*. London: The Macmillan Press Ltd.; 1987.
6. *Novaya i noveishaya istoriya Sudana* [The Modern and Contemporary History of Sudan]. Moscow: Publ. Nauka; 1992. (In Russ.).
7. 'Uthman T. *Tarikh al-Khatmiyya fi-s-Sudan* [History of the Khatmiya in Sudan]. Al-Khartoum: Publ. Manshurat Dar Saqina wa-l-Mamun; 1999. (In Arab.)
8. Powell ET. *A Different Shade of Colonialism: Egypt, Great Britain, and the Mastery of the Sudan*. University of California Press; 2003.
9. Polyakov KI. *Istoriya Sudana. 20 vek* [The History of Sudan. 20th century]. Moscow: Publ. Institut Vostokovedeniya RAN; 2005. (In Russ.).
10. Voll JO. Wahhabism and Mahdism: alternative styles of Islamic renewals, *Arab Studies Quarterly*. 1982;1–2(4):110–126.
11. Al-Faki 'A. *Tarikh quwwat difa' as-Sudan* [The history of the defense forces in Sudan]. Al-Khartoum: Publ. Ad-Dar as-Sudaniyya; 1971. (In Arab.).
12. Ibrahim 'A. *Husayn Sharif: Sha'b bila djarida ka-qalb bila lisan* [Hussain Sharif: A people without a newspaper looks like a heart without a tongue]. Available from: <http://www.sudanile.com/107202> [Accessed 14.10.2021]. (In Arab.).
13. Kramer R., Lobban R. *Historical Dictionary of the Sudan*. Scarecrow Press; 2013.
14. Ad-Duri Z. *At-tadjammu'at al-wataniyya fi-s-Sudan* [National alliances in Sudan]. Available from: <http://www.sudanile.com/94975> [Accessed 14.10.2021]. (In Arab.).
15. *Anglo-Egyptian Treaty of Alliance*. 1936. Available from: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/de/Anglo-Egyptian_Treaty_of_1936.pdf [Accessed 12.10.2021].

Информация об авторах:

Матросов Валерий Анатольевич – преподаватель Школы востоковедения Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, e-mail: vam_179@mail.ru

Шалупкин Вадим Владимирович – студент Школы востоковедения Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, e-mail: vvshalupkin@edu.hse.ru

Information about the authors:

Matrosov Valeriy Anatolevich – lecturer of School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs (HSE University), lecturer of Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities, e-mail: vam_179@mail.ru

Shalupkin Vadim Vladimirovich – student of School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs (HSE University), e-mail: vvshalupkin@edu.hse.ru